
ВЕРНИ МНЕ ПАПУ
Дед Мороз!
Полина Грёза

Полина Грёза

Верни мне папу, Дед Мороз!

https://litres.ru/74792204
SelfPub; 2026

Аннотация

Родители развелись давно, накануне Нового года. Мама до сих пор грустит, а первокласснице Тае очень нужен папа! Да и неправильно это, когда семья живет врозь!

Поэтому придется подключить Деда Мороза. Пусть исполняет желания и возвращает отца!

Тем более, горе-папаша наконец-то заподозрил неладное, и спустя три года решил разобраться почему тест на отцовство показал отрицательный результат...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3. Демид	18
Глава 4. Демид	26
Глава 5. Демид	33
Глава 6. Лера	38
Глава 7. Лера	46
Глава 8. Лера	53
Г	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Полина Грёза
Верни мне папу, Дед Мороз!

Глава 1

Веду феном по Таиным волосам, формируя аккуратный локон, а краем глаза смотрю в окно. За стеклом — декабрьская сказка для тех, кто в нее верит. Снег припорошил дворы, на фонарях болтаются гирлянды, в окнах напротив мигают разноцветные огоньки. Все вокруг играет, сверкает и обещает чудеса. А мне от этого великолепия хочется только одного — выть в голос.

Ненавижу Новый год.

Нет, серьезно. Пока весь мир радуется, лопает мандарины и ждет чудес от бородатого деда в красном пальто, я вспоминаю, как три года назад моя жизнь разбилась вдребезги. Прямо под бой курантов. Очень романтично, не так ли?

— Мам, горячо! — Тая дергает головой, и я спохватываюсь, отодвигая фен.

— Прости, солнышко. Давай последний локон доделаем, и все. Потерпи чуть-чуть.

Она кивает, сжимая в руках край своего нового платья — ярко-синего, с блестками. Мы выбирали его вместе в прошлые выходные. Тая кружилась перед зеркалом в магазине,

и впервые за долгое время я видела, как ее глаза горят по-настоящему. Не важно, что платье стоило половину моей зарплаты. Важно, что моя девочка улыбается.

Моя девочка. Не его.

Сжимаю фен сильнее, и горячий воздух обжигает пальцы. Перед глазами стоит Демид Метельский — мой бывший муж, отец Таи. Вернее, не отец. И это, блин, подтверждено официальными документами.

Человек, которого я когда-то любила больше жизни, три года назад выкинул нас из жизни, как использованные батарейки. Бросил мне в лицо папку с результатами ДНК-теста и гордо ушел в декабрьский закат.

— Ты нагло обманывала меня все это время! Тая не моя дочь! — звучат в ушах его жестокие, несправедливые слова. — Я не хочу вас больше видеть. Никогда!

Мужик сказал — мужик сделал. Чего-чего, а этого у Метельского не отнять. Пять лет нашего брака — на помойку. Он даже на развод не явился, всё через адвокатов. Как будто я не женщина, родившая ему ребенка, а просто так, мимо проходила...

Стоп. Хватит. Не сейчас.

Выключаю фен и провожу пальцами по Таиным локонам. Получилось красиво — золотистые волны падают на плечи, переливаясь в свете люстры. Моя принцесса. Мое сокровище. Самое дорогое, что осталось у меня в жизни.

— Ну вот. Теперь ты самая прекрасная первоклассница

во вселенной, — шепчу, целуя ее в макушку.

Тая поворачивается ко мне, но в ее глазах мелькает грустинка.

— Мам, а папа... может быть, он все-таки придет на елку? — Тая задает свой традиционный вопрос-киллер, который в очередной раз отправляет меня в нокдаун. Так уже было на выпускном в садике. И на первое сентября. Мне не хочется причинять боль своему нежному котенку, но это лучше, чем обещать то, чего я не в силах исполнить.

— Нет, солнце. Не придет.

— Но я же написала письмо Деду Морозу! — в ее голосе звенит такая отчаянная надежда, что мне в очередной раз хочется выстрелить Метельскому прямо в глаз. — И попросила вернуть папу. Дед Мороз всегда исполняет желания, если очень-очень сильно хотеть!

Приседаю перед ней на корточки, беру ее маленькие ладошки в свои. Они теплые и пахнут ванильным кексом.

— Тая, послушай меня. Твой папа… решил жить отдельно. Это не твоя вина, понимаешь? Совсем не твоя. Он просто... — запинаюсь. Что ей сказать? Что он обычный мудак? Что бросил нас, потому что кто-то убедил его в том, чего не было? Даже не попытавшись разобраться, поговорить, услышать мою точку зрения? Что я до сих пор не понимаю, как можно так легко отказаться от собственного ребенка? — Папа совершил ошибку. Очень большую ошибку. Когда-нибудь он это поймет…

«Но будет поздно» — мстительно звучит в голове, только я не произношу это вслух. Хотя искренне надеюсь, что нашему козлу-папаше там икается.

— Если он вернется, мы будем опять семьей! — говорит моя добрая девочка с надеждой.

— Это вряд ли, — неопределенно жму плечами. — Но у нас же и без него все хорошо? Мы же справляемся? Мы — команда?

Тая смотрит на меня так, будто видит насквозь, но все-таки кивает.

— Да. Справляемся, — без энтузиазма отвечает она.

Я поднимаюсь, отряхиваю джинсы. Три года. Три гребаных года я существую в режиме матери-одиночки. Три года пашу на двух работах, чтобы моя дочь ни в чем не нуждалась. И неплохо, между прочим, справляюсь!

После того как Демид отсудил почти все имущество. Дом, машину, дачу, два портсигара серебряных… В общем, все забрал. Оставил только скромную двухкомнатную квартирку, в которой мы жили в первые годы брака. Что ж, и на этом спасибо… Бомжевать не пришлось.

Стараюсь не унывать и смотреть на вещи с оптимизмом, но иногда накатывает… Ночами ко мне приходят мысли, и я их думаю. О том, как все это могло со мной произойти. О той вопиющей несправедливости, которую мой бывший муж с нами сотворил.

Я ведь не изменяла ему. Ни разу. У меня просто не было

других мужчин, кроме Демида. Метельский был моим первым и единственным. Но он не поверил. Как будто не знал меня как облупленную. Как будто не было пяти счастливых лет совместной жизни. Какой-то липовый тест ДНК оказался убедительнее доводов разума...

А еще бывший настоял, чтобы из Таиного свидетельства о рождении убрали его отчество и фамилию. Теперь моя дочь не Таисия Демидовна Метельская, а Таисия Сергеевна Романова. Носит мою девичью фамилию и мое отчество.

Может быть, так и лучше. Зато никаких Метельских в документах!

— Мама, я пойду в свою комнату, ладно? Хочу еще раз письмо проверить! — Тая спрыгивает со стула и убегает. Платье развевается за ней синим облаком.

Стою посреди комнаты и смотрю в окно. Снег падает, прохожие спешат куда-то, нагруженные пакетами. Новый год на носу. Праздник надежд и новых начинаний. И, знаете, я тоже довольна!

Мне грех жаловаться. Я справилась. Выжила. Люблю свою работу, воспитываю дочь, как могла, наладила жизнь. А драматичный развод… это опыт. Лекарство от бабочек в животе и розовых очков.

Правда, есть одна загвоздка. Вернее, один человек. Игорь Козловцев.

Друг Метельского. Точнее, бывший друг. Он был начальником службы безопасности в фирме Демида, но уволился

сразу после того, как мы развелись. Сказал, что не может работать под началом человека, который так поступил со мной и Таей. Такой вот благородный идальго, посвящающий мне подвиги.

Игорь был рядом все это время. Помогал с переездом, документами и поиском работы. Приносил продукты, когда было совсем туго. Вытирал слезы и сопли, когда я рыдала ночи напролет, пытаясь осмыслить, что вообще произошло.

И я ему искренне благодарна. Правда-правда! Но...

Он хочет продолжения банкета. Глядит на меня, как верный пес, ожидающий сахарную косточку. Чуть дольше, чем нужно удерживает в объятиях при встрече, напрягается, когда я случайно упоминаю Демида.

Упорно делаю вид, что не замечаю всего этого, потому что не готова. Совсем. Сердце все еще находится на техобслуживании после катастрофы и требует капитального ремонта. Я не в силах пустить туда кого-то. Даже если этот кто-то — хороший человек.

К тому же Тая Игоря катастрофически недолюбливает, хотя он старается изо всех сил. Сюсюкается с ней, приносит подарки, расспрашивает про школу. Даже выучил имена всех феечек из ее любимого мультика. Не знаю ни одного мужика, способного на подобные жертвы. Но дочь все равно смотрит на него настороженно, как мышонок из своей норки. А интуиции Таи я доверяю. Игоря сердечно благодарю за все, но не подпускаю близко.

Иду в свою комнату и достаю из шкафа единственное приличное платье. Черное, строгое, до колена. Отголосок моей когда-то роскошной жизни. Надеваю его и смотрю на себя в зеркало.

Выгляжу устало. Темные круги под глазами просят толстый слой тональника, а волосы просто жаждут встречи с парикмахером. Ничего, подождут. Цены на укладку нынче кусаются. А вот фигура — огонь. Все-таки нервы и постоянная беготня между двумя работами съедают калории лучше любого фитнеса. И это главное. А мордочку нарисуем.

Я еще крашусь, когда раздается звонок в дверь.

Черт. Я никого не жду. Или жду все-таки?

Открываю дверь — и ахаю. На пороге стоит Игорь с елкой в руках. Небольшая, искусственная, вся в серебряных шарах. Мужчина улыбается во весь рот и явно доволен собой.

— Такси для принцесс прибыло, — объявляет он, занося елку в прихожую. — Вы же не думали, что я отпущу вас одних в такую погоду?

Глава 2

— Игорь, спасибо за заботу, но мы справимся сами, — твердо говорю я, стараясь не показать раздражение. — У меня есть машина, права и опыт вождения… К тому же, улицы почищены и уже политы реактивами.

— Лерочка, ну что ты упрямишься? — Игорь ставит елку на тумбочку и разворачивается ко мне. В его голосе появляются знакомые нотки — мягкие, но настойчивые. Как у продавца, который знает, как грамотно впарить товар. — Посмотри в окно. Видишь, какой ледяной дождь пошел? А ты на каблуках, Тая в новых ботинках. Поскользнетесь на ступеньках — и что? Травмпункт, гипс и весь праздник насмарку. Ты же не этого хочешь?

— Мы аккуратно, — не сдаюсь я. — В конце концов, мы в городе, а не в глухом лесу. Нас не загрызет волк и не съест медведь.

Игорь вздыхает так тяжело, будто ему предлагают лично переплыть Байкал в декабре.

— Не понимаю тебя, Лера... — он подходит ближе, и я автоматически делаю шаг назад. — Я ведь стараюсь для вас. Три года стараюсь. А ты даже элементарную помощь не хочешь принять. Как будто я враг какой-то...

Бинго! Вот она, фирменная техника. Сначала «забота», потом «ты меня обижаешь». Классический набор. Я уже

знаю, что будет дальше — он скажет, что ему кажется странной наша ситуация. Он столько всего для нас делает, а мы неблагодарные.

— Ты вовсе не враг, — отвечаю устало. — Просто я уже привыкла рассчитывать только на себя.

— Но зачем? — Игорь разводит руками, изображая полное непонимание. — Гордость — это хорошо, но нерационально. Ты же видишь — я рядом. И готов помочь. Всегда готов. А ты... — он замолкает, но взгляд говорит красноречивее слов: «Отталкиваешь меня, неблагодарная».

Чувствую, как внутри просыпается злость. Не на него — на себя. За то, что поддаюсь на эти манипуляции. За то, что чувствую вину там, где ее быть не должно. Но поделать ничего не могу. Не хочу обижать человека, который так много для нас сделал. Да и по большому счету, он прав. В его внедорожнике комфортнее и безопаснее.

— Хорошо, — сдаюсь нехотя. — Поехали на твоей машине. И… спасибо за заботу.

Игорь тут же начинает сиять, как майское утро.

— Вот и правильно! — говорит он таким тоном, как будто я согласилась выйти за него замуж. — Я же о вашем удобстве думаю. Всегда.

«А еще о своих далеко идущих планах», — мелькает в голове, но я не произношу это вслух. Зачем портить праздничное настроение?

— Тая! — кричу в сторону детской. — Мы уже опазды-

ваем! Что ты там делаешь?

— Еще минуточку, мам! — доносится ответ. — Я почти закончила!

— Что закончила? — удивляюсь. — Ты же уже готова!

Тишина. Подозрительная такая тишина.

— Пойдем посмотрим, — предлагает Игорь, и мы открываем дверь.

Заглядываю в комнату — и сердце сжимается от нежности. Тая сидит на полу, склонившись над листом бумаги. Рядом валяются цветные карандаши. Она что-то старательно дорисовывает в уже написанном письме Деду Морозу.

— Солнышко, что ты делаешь? — мягко спрашиваю я.

Дочь поднимает на меня глаза, большие и серьезные.

— Рисунок добавляю. Чтобы Дед Мороз точно понял.

Игорь подходит ближе, заглядывает через ее плечо.

— А что это ты нарисовала? — интересуется он.

Тая поворачивает лист. На нем — семья. Три фигурки: женщина с длинными волосами, высокий мужчина и маленькая девочка между ними. Все держатся за руки. Над головами — большое желтое солнце и снег. Куча фигурных снежинок.

— Это мама. — Тая показывает пальчиком на женскую фигурку. — Это я. А это папа.

Мое горло сжимается, как будто кто-то накинул на шею удавку.

— А в письме что написано? — продолжает расспросы

Игорь, и я уже слышу в его голосе недовольные нотки.

Тая гордо расправляет плечи:

— Я написала, что уже большая. Что в семь лет игрушки мне не нужны. У меня их и так полная комната. Мне нужен папа. Мой. Настоящий, — ее голос становится тише. — Я попросила Дедушку Мороза вернуть нам с мамой папу. Потому что без него плохо. И я по нему очень-очень скучаю. Мама тоже скучает, только не говорит никому.

Игорь резко выпрямляется. Вижу, как его лицо темнеет.

— Тая, — говорит он, и в голосе больше нет ни капли мягкости. — Тебе семь лет. Ты уже большая девочка, правильно говоришь. А большие девочки должны понимать: никакого Деда Мороза не существует.

— Игорь! — резко одергиваю его, но он не слушает.

— Это все выдумки для малышей! — продолжает он, нависая над моей дочерью. — Чудес не бывает! Подарки под елку кладу я. Не Дед Мороз! Я, дядя Игорь! Я работаю вашим персональным Дедом Морозом уже три года! Тот кукольный домик принес я! И волшебную карусель тоже! А кукол тебе мама дарит!

Тая смотрит на него широко открытыми глазами, и я вижу, как в них появляется испуг.

— Игорь, прекрати сейчас же! — шиплю сквозь зубы.

Но его уже не остановить. Видимо, накопилось.

— А твой папа… — он показывает на рисунок. — Твой папа не вернется! Никогда! Потому что вы ему не нужны! Ни

ты, ни твоя мама! Он вас бросил, понимаешь? Ушел и забыл о вашем существовании!

— Игорь! — кричу я, и он разворачивается ко мне.

— А что неправильного я сказал? — в его глазах полыхает злость. — Сколько можно жить иллюзиями? Три года, Лера! Три года я рядом с вами! Помогаю, поддерживаю, забочусь! Стараюсь стать настоящим отцом для Таи и мужем для тебя! Из кожи вон лезу! А вы... — голос срывается. — Все равно ждете его! Того, кто вас предал!

Тая начинает всхлипывать. Тихо, почти беззвучно, но слезы скатываются по щекам хрустальными каплями.

— Не нужно так с ней разговаривать, — произношу ледяным тоном. — Она всего лишь ребенок.

— Ей уже семь, Лера! — Игорь показывает на дочь. — И пора объяснить ей, как устроен мир! Пора вам обеим принять реальность и строить новую жизнь! С теми, кто действительно о вас заботится!

Игорь тяжело дышит, кулаки сжаты. На секунду мне становится страшно. Не за себя — за Таю.

— Мне… очень больно, — продолжает он уже тише. — Больно смотреть, как вы цепляетесь за прошлое. Как не цените того, что происходит здесь и сейчас. Не замечаете тех, кто к вам действительно неравнодушен...

Я обнимаю Таю за плечи и прижимаю к себе.

— Иди в машину, пожалуйста, — говорю Игорю. — Мы скоро выйдем.

Он смотрит на меня несколько секунд, потом резко разворачивается.

— Жду, — бросает он через плечо. — Но недолго. Я… устал, что в этом доме меня не замечают.

Шаги в коридоре, хлопок входной двери. Мы с дочерью остаемся одни.

Тая всхлипывает у меня на руках. Я успокаивающе глажу ее по волосам и еще больше ненавижу Новый год. Абсолютно дурацкое время…

— Мама, — шепчет она сквозь слезы. — А правда, что Деда Мороза нет?

— Тая, послушай меня, — шепчу ей на ушко. — Дядя Игорь сказал глупость. Он просто расстроился и наговорил всякого. Так бывает. Когда людям больно — они говорят обидные вещи. Не со зла, просто не могут сдержаться.

— Но он сказал, что папа никогда не вернется...

— Солнышко, — беру ее лицо в ладони. — Никто не знает, что будет завтра. Никто. Даже взрослые. Поэтому не слушай никого. Думай своей головой. Хорошо?

Она кивает, но слезы все еще текут.

— А Дед Мороз? Он все-таки есть или нет? — упрямо спрашивает она.

Смотрю в ее мокрые глаза и думаю о том, что сейчас произнесу заведомую ложь. Ну и что! Пусть у ребенка будет детство.

— Конечно, есть, — не краснея, вру я. — И твое письмо

он обязательно прочитает. А вот исполнит или нет, не знаю. Не все в этой жизни зависит от воли доброго волшебника.

Тая вытирает нос рукавом нового платья, но я не делаю ей замечание. Все мы имеем право на слабость.

— Мама, а мне дядя Игорь не нравится, — тихо говорит она.

— Почему?

— Он... — дочка подыскивает нужные слова. — Хитрый. С виду добрый, а внутри злой. И хочет, чтобы мы забыли папу…

Умная девочка. Слишком умная для своих семи лет.

— Тая, дядя Игорь не злой, — убеждаю, хотя сама не очень в этом уверена. — Он просто... запутался. Со всеми бывает.

— А я не запуталась, — упрямо заявляет моя дочь. — И в Деда Мороза верю. А папу я найду и верну домой. Обязательно!

В ее голосе звучит такая решимость, что у меня по спине бегут мурашки.

— Солнце...

— Нет, мама! — она встает, вытирает последние слезы. — Дед Мороз вернет нам папу! И мы снова будем семьей. Вот увидишь!

Глава 3. Демид

Ненавижу Новый год.

Раньше любил. Когда еще верил в семью, счастье и прочую ерунду из женских романов. Когда жена улыбалась мне по утрам, а дочь... стоп.

Нет у меня никакой дочери. Надо наконец привыкнуть к этому факту и перестать дергаться каждый раз, когда мозг подсовывает воспоминания.

Смотрю в зеркало раздевалки спортзала, но вместо собственного отражения вижу Деда Мороза. Красная шуба, белая борода, мешок с подарками. Классический набор бородатого новогоднего старикашки. Кто бы мог подумать, что Демид Метельский, владелец самой крупной строительной компании в регионе, когда-нибудь будет раздавать конфеты школьникам?

Но жизнь — штука непредсказуемая.

— Демид Олегович, вы готовы? — в дверь просовывается взволнованное лицо завуча Ольги Петровны. — Дети уже заждались!

— Готов, — киваю, натягивая красную шапку. — Идем творить волшебство.

Она улыбается, думая, что я шучу. А я не шучу. Три года назад, когда моя жизнь развалилась на черепки, я решил: если уж не могу построить свое собственное счастье, буду

помогать другим. И занялся благотворительностью.

Сначала помог отремонтировать крышу в детском доме. Потом обновил кабинет физики в школе — и пошло-поехало. Дорогие свинцовые двери в рентгеновском кабинете детской поликлиники, просторные вольеры в приюте для животных…

Сейчас я глава попечительского совета школы. Моя компания помогает, чем может: меняет окна, закупает необходимое оборудование.

В этом году решили профинансировать новогодний утренник — со всеми праздничными прибамбасами. Профессиональные аниматоры, хорошие, дорогие подарки.

А мне еще и приходится работать Дедом Морозом. Потому что физрук, который должен был играть эту роль, слег с гриппом. Ну не смог я отказать завучу. Тем более что она смотрела на меня такими глазами, что любой щенок из приюта позавидует.

Захожу в актовый зал, и меня встречает взрыв детского восторга. Десятки глаз смотрят с восхищением, в ожидании чуда. Родители снимают на телефоны. Где-то играет музыка.

— Здравствуйте, дети! — басом произношу я, погружаясь в роль.

— Здравствуй, Дедушка Мороз! — орет хор детских голосов.

И понеслось. Дети рассказывают стихи, я хвалю, раздаю подарки. Кто-то стесняется, кто-то наоборот — с порога на-

чинает тарахтеть заученное четверостишие.

Мальчишка лет шести рассказывает про елочку, запинается на середине и начинает плакать. Успокаиваю его, говорю, что Дед Мороз и так все понял, вручаю подарок. Малой светится от счастья.

Странно, но мне это нравится. Общение с детьми, их искренняя непосредственность. В отличие от взрослых, они не врут, не предают и не подставляют.

Может, именно поэтому я так и не завел новую семью. Не смог. Лера выжгла во мне все доверие к женщинам.

Пять лет брака. Я думал, знаю ее как облупленную. А она... оказывается родила ребенка от другого. Каждый день эти гребаные пять лет смотрела мне в глаза и врала! От одной мысли об этом даже сейчас сжимаются кулаки и во рту появляется противный привкус железа.

Отряхиваюсь от воспоминаний. Хватит. Все уже в прошлом. Я отстроил жизнь заново. Бизнес процветает, денег больше, чем могу потратить. Я свободен и никому ничего не должен. Живу и наслаждаюсь жизнью.

И только иногда, в такие дни, как сегодня, накатывает чувство пустоты. Будто чего-то не хватает. Но я быстро его задвигаю куда подальше. Некогда хандрить. Столько дел вокруг!

Очередная девочка выходит рассказывать стих. Поднимаю взгляд — и замираю на месте.

Потому что передо мной стоит Тая. Моя... бывшая дочь.

Черт, как же неудобно это формулировать даже в мыслях.

Ее светлые волосы уложены в крупные локоны. Одета в шикарное синее платье, усыпанное блестками. Дорогое, наверное. Кажется, ее мать не бедствует. Видимо, быстро нашла себе нового спонсора… Такого же лоха, как я.

Последний раз Таю я видел три года назад, и помню пухленькой четырехлетней девочкой. С тех пор она сильно изменилась.

Смотрю на нее и автоматически ищу черты Леры. Глаза точно ее, голубые и бездонные. В которых я тонул, как распоследний балбес. Овал лица тоже как у бывшей жены. А от того мужика что-нибудь есть? Таиного настоящего отца?

Всматриваюсь внимательнее. Девочка улыбается кому-то в зале, и я замечаю щербинку между передними зубами. И ямку на подбородке, которой раньше не было. Она очень изменилась, моя… не дочь. И стала напоминать меня в детстве. Этого, конечно, не может быть, но все-таки…

— Здравствуй, Дедушка Мороз! — Тая подходит ближе, и я резко возвращаюсь в реальность.

— Здравствуй, девочка, — отвечаю низким голосом и глубже кутаюсь в воротник шубы. Не хватало еще, чтобы она меня узнала.

Грим профессиональный, борода плотная. Да и три года для ребенка — вечность. Скорее всего, она меня не помнит. Ну, или помнит смутно.

— Я хочу рассказать тебе стихотворение, — торжествен-

но объявляет девочка.

— Слушаю, — бросаю коротко.

Тая делает глубокий вдох, и я вижу, как она волнуется. Ладошки сжаты в кулачки, плечи напряжены.

— Белый снег пушистый в воздухе кружится... — девочка запинается на слове «кружится», слышу легкую картавость. Совсем небольшую, едва заметную.

И меня пробивает током.

Я тоже так картавил. В детстве. Когда сильно волновался, выступая на публике. Потом само прошло, но до восьми лет этот дефект был…

Так что это? Совпадение?

Тая заканчивает стих, я автоматически хвалю ее и тяну руку в мешок с подарками. Достаю коробку, протягиваю. А сверху, как и положено Деду Морозу, кладу мандарин.

— Спасибо, Дедушка! — она берет подарок, а мандарин возвращает обратно. — Только мне это нельзя. Аллергия.

Обалдело пялюсь на мандарин и время на мгновение останавливается.

— Аллергия? — переспрашиваю, чувствуя, как учащается пульс. — На цитрусовые?

С трудом сдерживаюсь, чтобы не ляпнуть: «Не было же, вроде?», но вовремя прикусываю язык.

— Ага, — кивает она. — Пару лет назад началась. Мама говорит, что если съем мандарин, вся в красных пятнах буду. Но, может быть, с возрастом это пройдет.

У меня тоже была аллергия на цитрусовые. В детстве. Та самая, от которой красные пятна и зуд. А потом исчезла без следа.

Щербинка, ямочки, картавость, аллергия — щелчками выдает воспаленный мозг… Не слишком ли много совпадений?

— Дедушка Мороз, — Тая достает из кармана платья конверт. — А можно я тебе письмо отдам? Я специально написала.

— Конечно, давай, — говорю я, забирая картонный прямоугольник. Руки почему-то предательски подрагивают.

— Только ты прочитай обязательно! — настойчиво просит она. — Это очень-очень важно.

— Обязательно прочитаю, — киваю я.

Но она не уходит. Стоит и смотрит на меня своими огромными голубыми глазами. Как у матери, будь она неладна…

— Мне очень нужно, чтобы ты исполнил мое желание, — тихо произносит она, и в ее голосе столько надежды, что у меня сердце сжимается. — Я же хорошая девочка? Учусь на одни пятерки, маме помогаю, никого не обижаю. Летом котенка с дерева сняла…

— Конечно. Ты очень хорошая, — отвечаю внезапно охрипшим голосом.

— Тогда, пожалуйста, верни мне папу! — выдыхает она, а у меня в груди сердце проваливается куда-то в пропасть. — Я очень по нему скучаю… Помню, как сидела у него на

коленях. Как он читал мне на ночь сказки про принцесс. Как катал на шее. Как мы вместе с мамой играли в настольные игры, а папа всегда поддавался, чтобы я выиграла…

Молчу. Просто не могу вымолвить ни слова. Потому что тоже помню. И это было самым счастливым временем в моей жизни. До того, как я узнал…

— Если он не вернется, — продолжает Тая, и ее голос становится еще тише. — Маме придется выйти замуж за дядю Игоря. А он... только притворяется хорошим, Дедушка Мороз. На самом деле он злой. И жадный. Он кричит на меня, когда мама не видит. Говорит, что я неблагодарная…

Игорь?! Что это за Игорь такой? Леркин сожитель? И какого черта он смеет кричать на мою...

Стоп. Она мне не дочь. И этот Игорь — не моя забота. Пусть Лера сама разбирается со своими мужиками.

— Я найду папу, — твердо заявляет Тая. — Обязательно найду! И мы снова будем жить вместе. Правда ведь, Дедушка Мороз? Ты же поможешь?

Смотрю на нее и не знаю, что ответить. А она ждет… Верит и надеется.

— Я... постараюсь, — наконец выдавливаю, чтобы хоть что-то сказать.

Тая улыбается, и я снова вижу эти ямочки. Такие же, как у меня...

— Спасибо! — девочка обнимает меня за шею, быстро, но крепко. — Ты самый лучший Дед Мороз на свете!

И убегает. Растворяется в толпе детей.

А я стою с конвертом в руках и чувствую, как мир вокруг встает с ног на голову. Снова.

Щербинка. Ямочки. Картавость. Аллергия.

Все это может быть лишь совпадением. Теоретически. Но что, если это не так?

Что, если тест ДНК был ошибочным? Или подложным?

Нет. Это бред. Я ведь проверял! До последнего сомневался, не верил. Звонил в лабораторию, требовал подтверждений, переделывал два раза…

Но подросшая Тая почему-то стала похожа на меня… И мысль не дает покоя.

— Демид Олегович, следующий ребенок! — шепчет мне на ухо Снегурочка-аниматор.

Встряхиваю головой, заставляю себя сосредоточиться. Утренник продолжается. Дети рассказывают стихи, получают подарки. Выполняю свою роль на автомате, а в голове крутится одно: «А что, если три года назад я ошибся?»

Глава 4. Демид

Машинально раздаю подарки, хвалю очередного пацана за стихотворение про снежинки, а сам ищу глазами в толпе светлую головку. Тая давно растворилась среди других детей, но я до сих пор чувствую детский запах ее волос и тепло объятий.

Черт возьми, что со мной творится? Три года назад я поставил в этой истории жирную точку. Закрыл гештальт, как говорят психологи. Забыл и пошел дальше. Но всего одна встреча — и меня снова колбасит, как зеленого пацана.

— Дедушка Мороз, а мне можно два подарка? — пищит мелкая девчонка лет пяти, непонятно как попавшая на школьный утренник. — Один мне, а второй моей кукле Маше!

— Конечно, малышка, — отвечаю на автомате, протягивая ей две коробочки.

Но мысли бродят далеко, переваривая информацию, полученную за пять минут общения с Таей. Слишком много совпадений для простой случайности. Но ведь тест показал...

Стоп. Хватит об этом думать. Иначе можно сойти с ума прямо здесь, в красной шубе и с мешком подарков.

Пытаюсь сосредоточиться на происходящем вокруг, но память все равно уносит меня далеко. На несколько лет назад. В ту больничную палату, где я впервые увидел Леру.

Я тогда впервые выиграл тендер и получил крупный заказ на строительство детского садика. Как черт крутился на стройке, хотел непременно сдать объект в срок. Пообещал мэру, а свое слово всегда держу. Пропадал на объекте в любую погоду, спал по три часа в сутки. В результате схватил воспаление легких — и привет, больничная койка.

Помню, лежу с температурой под сорок абсолютно без сил и даже руку поднять не могу. Злюсь страшно. Сроки горят, рабочие без меня халтурят, а тут еще эти больничные порядки: режим, тишина, уколы по часам.

И вдруг входит она. В белом халатике, с косой до пояса. Как Снегурочка из сказки. Улыбается, будто встретила лучшего друга, а не очередного буйного пациента.

— Добро пожаловать в наш санаторий для легочников! — говорит она таким голосом, что я даже разозлиться толком не успеваю. — Я Лера, ваша персональная мучительница на ближайшие дни.

И начинает колдовать надо мной. Втыкает в вену иглу от капельницы, так, что я даже опомниться не успеваю. Надевает на палец какой-то датчик. А сама болтает без умолку: про все на свете. Про погоду, новости, про прибившегося к больнице бездомного кота… Слушаю ее и понимаю, что плыву. Готов на любые, самые неприятные процедуры, лишь бы подольше слушать ее голос.

— У вас глаза благородного разбойника, — смеется она, протирая мне лоб влажной салфеткой. — Грозные, но доб-

рые.

Я тогда подумал: все, пропал. Потому что понимал — такой женщины мне больше не встретить. Теплой, искренней, живой. Не то что эти куклы из моего окружения, которые умеют только тратить деньги и строить глазки.

Лера была другой. Настоящей.

— Демид Олегович, последний ребенок! — шепчет мне Снегурочка, и я резко возвращаюсь в реальность.

Перед мной стоит мальчишка лет восьми, серьезный, как взрослый дядька. Рассказывает стихотворение про елочку, но я его почти не слушаю. В голове все еще звучит Лерин смех.

Помню, как ухаживал за ней после того, как выписался. Цветы каждый день, рестораны, подарки. Она смущалась и отнекивалась. Считала, что я слишком много на нее трачу.

— Не нужны мне твои бриллианты, Демид, — говорила она, поглаживая мою щеку. — Я хочу, чтобы ты просто был рядом.

А я не слушал. Стал постоянным клиентом ювелирных магазинов и бутиков брендовой одежды. Потому что хотел бросить к ее ногам весь мир. Боялся, что если не буду осыпать подарками, она уйдет к кому-то другому. Хотел стать незаменимым. Центром ее мироздания. И чтобы она стала только моей.

Женился на ней через полгода. Пышная свадьба, медовый месяц на Мальдивах, новый дом, который я построил специ-

ально для нашей семьи. Все как в сказке.

Только один момент меня напрягал. Лера не хотела бросать работу.

— Зачем тебе эта больница? — спрашивал я, обнимая ее на кухне. — У меня достаточно денег, чтобы содержать семью. Займись домом, собой. Или найди себе хобби по душе.

— Но, Демид, я не хочу просто так сидеть дома, — отвечала она, высвобождаясь из объятий. — Мне нравится моя работа. Там я помогаю людям и чувствую себя полезной.

— Я тоже помогаю людям. Строю дома, создаю рабочие места.

— Это другое. Ты бизнесмен, я медик. У нас разные функции.

Я тогда не понимал, о чем она говорит. Думал, что женщина должна быть рядом с мужем, создавать уют, рожать детей. А она все упрямилась и по-прежнему уходила на смену.

Правда, когда забеременела, все-таки уволилась. Не выдержала моего напора. Согласилась, что быть мамой — это тоже работа. Я тогда был на седьмом небе от счастья.

А потом родилась Тая.

И это было что-то невероятное! Маленький теплый комочек в розовых пеленках, с крохотными кулачками и носиком-кнопочкой. Моя дочь. Моя частичка. Мое продолжение.

Я готов был сутками сидеть у детской кроватки и просто смотреть, как она дышит. Вставал к ней ночами, когда Лера уставала. Менял подгузники, кормил из бутылочки, пел ко-

лыбельные. Коллеги крутили пальцем у виска — мол, с ума сошел, это женские обязанности. Но мне было все равно.

Помню, как Тая впервые улыбнулась. Именно мне. Как она делала первые шаги, хватаясь за мой палец. Как первый раз сказала «папа». Как засыпала под сказки про принцесс и драконов, которые я ей читал.

Четыре года я жил, как в раю. И думал, что так будет всегда.

А потом начальник службы безопасности моей фирмы Игорь Козловцев заронил в душу ядовитое зерно сомнения.

— Не знаю, Демид, стоит ли это говорить… — неопределенно промычал он как-то утром, когда мы остались одни после планерки. — Но ты мой друг. И не сообщить тебе было бы не по-товарищески. В общем, вчера я видел твою супругу около фитнес-клуба. И она была не одна.

Я тогда даже не сразу понял, к чему он клонит.

— Ну и что же в этом выдающегося? — спрашиваю, не отрываясь от документов. — Да, Лера следит за собой и несколько раз в неделю ходит в спортзал с подругами.

— С ней была не подруга, Демид. Мужчина. Довольно симпатичный, кстати. Они очень мило что-то обсуждали, смеялись. И выглядели… близкими знакомыми, если ты понимаешь, о чем я. Очень близкими…

Козловцева я тогда поблагодарил и отправил заниматься своими непосредственными обязанностями. И попросил больше не лезть в дела моей семьи. Но ядовитое зерно рев-

ности уже дало ростки в моей душе. Словно токсин, который действует не сразу, а постепенно.

В тот же вечер я спросил у Леры напрямую:

— С кем ты была вчера у фитнес-клуба?

Она даже не смутилась:

— С Антоном Сергеевым. Бывшим коллегой. Ну, помнишь, доктор из нашего отделения? Случайно встретились, он недавно решил сменить тренера.

— И о чем разговаривали?

— О разном. О работе, о жизни. Вспоминали смешные случаи. А что такое? — Лера посмотрела на меня внимательно. — Ты ревнуешь?

— Нет, — соврал я. — Просто тебя увидел один мой знакомый и мне стало интересно.

А потом кто-то из знакомых ляпнул на корпоративе:

— Слушай, Демид, а почему дочка на тебя совсем похожа? Ты брюнет, жена— шатенка, а она светленькая, белая совсем. Разве так бывает?

— Ничего, потемнеет, — отвечаю спокойно. — Гены пальцем не задавишь.

Я тогда отшутился, но к дочери стал приглядываться более внимательно. Рассматривал, и убеждался — действительно, ни одной моей черты.

Дурацкие мысли лезли в голову. Я потерял покой и сон. Вспоминал о суточных дежурствах жены в начале нашего брака, о ее нежелании увольняться с работы. Бессонными

ночами лежал и думал: а что, если...

В конце концов не выдержал. Дал команду Козловцеву покопаться в прошлом Леры. Узнать, как жила до меня, с кем встречалась, было ли что-то серьезное…

Игорь рыл долго и тщательно. А потом пришел с докладом:

— У вашей супруги действительно был роман с этим Антоном Сергеевичем. Встречались почти два года. Разошлись за несколько месяцев до вашего знакомства, но остались друзьями.

Вроде ничего криминального. Все было до меня. Глупо ревновать человека к прошлому, но почему-то стало неприятно. Захотелось взглянуть в глаза мужчине, у которого с моей женой были когда-то отношения.

— Есть фотография этого Антона? — спрашиваю сквозь зубы.

— Конечно, — с торжеством в глазах заявляет Игорь и кладет передо мной на стол цветной снимок.

С глянцевого фото на меня смотрит привлекательный голубоглазый блондин. И я с ужасом нахожу в его лице черты Таи, моей дочери. Не могу сказать точно, были они или нет, но в тот момент мой ослепленный ревностью мозг их видел очень четко.

Вот тогда-то мне и снесло крышу окончательно.

Глава 5. Демид

Я превратился в натурального параноика. Начал копаться в телефоне Леры, когда она принимала душ или спала. Проверял соцсети, сообщения, звонки. Ничего криминального не нашел, но черная ревность уже прочно завоевала мой разум.

Я потерял аппетит, стал мучаться бессонницей, на работе без повода срывался на подчиненных. Лера видела, что ее муж сильно изменился, спрашивала, что происходит, но я упорно молчал. Да и по большому счету предъявить ей было нечего. Доказательств измены не было, но глупые подозрения и домыслы не давали спокойно жить.

В конце концов я решился на тест ДНК. Лере об этом, естественно, не сказал.

Сам лично взял образцы — волосы Таи с расчески и чайную чашку с ее слюной. Упаковал все в стерильные пакетики и отдал Игорю:

— Отвези в лабораторию. Самую надежную. Но, пожалуйста, никому ни слова.

Неделю я ждал результата. Неделю жил, как в аду.

А потом Козловцев привез заключение, и мой мир рухнул. «Вероятность отцовства — 0%».

Я смотрел на эти жестокие цифры и не мог поверить, что это происходит со мной. Моя дочь оказалась не моей доче-

рью. А женщина, которую боготворил — грязной лгуньей и изменницей. Четыре года я жил во лжи.

— Может, закажем повторный анализ? — осторожно предложил Игорь. — Чтобы исключить ошибку?

— Закажи. Только в другой лаборатории, — выдавил я, хватаясь за тонкую ниточку надежды.

Но второй тест показал то же самое. И третий тоже, хотя на этот раз образцы я упаковывал и отвозил сам.

Вот тогда я окончательно сорвался с катушек. Чувствовал себя последним лохом, которого развела ушлая баба. Годы счастья оказались фарсом. Тая, которую я обожал, — чужим ребенком. Лера, ради которой готов был свернуть горы, — жестокой обманщицей. Если она смогла провернуть такое, в чем еще могла солгать? Может быть, и ее утверждения, что я стал у нее первым мужчиной, были неправдой? Ведь девушки сейчас сплошь и рядом делают гименопластику…

Видеть ни Леру, ни Таю я больше не мог. Боялся, что просто не сдержусь и наделаю дел — настолько сильным ударом для меня стала измена любимой женщины.

Подал на развод через адвокатов, потребовал отсудить все имущество. В последний момент пожалел и оставил им квартиру. Но свою фамилию и отчество из Таиных документов велел убрать. Не хотел иметь ничего общего с девкой, которая мне нагло лгала, и ребенком, который не имел ко мне никакого отношения.

Три года я считал себя абсолютно правым. Ведь Демид

Метельский не прощает предателей. Но сейчас… Сейчас я ни в чем уже не уверен.

Утренник заканчивается, дети разбегаются с подарками. Машинально прощаюсь с организаторами. Обещаю устроить такой же праздник на следующий год. А сам думаю об этих проклятых ямочках и щербинке. Неужели я все-таки ошибся?

Смываю грим, переодеваюсь в обычную одежду. Из кармана дедморозовской шубы выпадает Таино письмо. Беру его в руки и разворачиваю.

«Дорогой Дедушка Мороз!» — написано аккуратным детским почерком. — «Меня зовут Таисия. Мне 7 лет. Я хорошая девочка. С мальчишками не дерусь, маме помогаю, в школе учусь на одни пятерки. В этом году мне не нужны игрушки. Даже та красивая кукла, которая как живая. Мне нужен папа. Очень-очень!

Мама говорит, что он не вернется, но я точно знаю, что он нас все еще любит. И мама тоже его любит, только не показывает вида.

Дедушка Мороз, верни нам папу, пожалуйста! Я буду всегда хорошо себя вести, обещаю! Иначе мама выйдет замуж за дядю Игоря и он станет моим новым папой.

А я этого не хочу. Потому что он злой и всем нам будет очень плохо. Мне очень страшно, Дедушка Мороз!

А если папа вернется, то все будет хорошо. Я очень-очень прошу, жду и надеюсь!

Твоя Тая.»

И внизу детский рисунок — три фигурки под снегопадом, держащиеся за руки.

Комок в горле растет, глаза щиплет. Перечитываю письмо еще раз. Каждое слово режет, как бритва.

«Мне страшно», — пишет семилетний ребенок. Мой ребенок? Или не мой?

Подхожу к окну, выглядываю на школьный двор. Родители забирают детей, кто-то уже уехал. И вдруг замечаю знакомую хрупкую фигуру в зимнем пальто.

У большого черного внедорожника стоит Лера. Она крепко держит за руку Таю. А заднюю дверь им открывает никто иной, как Игорь Козловцев. Мой бывший начальник службы безопасности. Человек, которого я считал другом.

Сердце пропускает удар. Четыре года я не видел бывшую жену, но узнал с первого взгляда. Постройнела, обрезала волосы. Выглядит усталой, но все такая же красивая. Женщина, в которую я когда-то был влюблен по уши…

Игорь обходит машину, садится за руль. И это вызывает во мне мощную волну протеста. Что вообще Козловцев делает рядом с моей семьей? Бывшей, конечно, но все-таки…

Не он ли три года назад активно нашептывал, какая подлая гадина эта Лера? Не он ли принес в зубах доказательства, что Тая — не моя дочь? А теперь с придыханием открывает дверь машины перед женщиной, которую считал продажной?

Что-то не вяжется… Да и совпадений слишком много.

Достаю телефон и набираю номер Виктора Громова — владельца детективного агентства, с которым иногда работаю.

— Витя, это Демид Метельский. Срочное дело. Нужно кое-что проверить. И еще... найди самую надежную лабораторию, работающую с генетическим материалом. Лучше не в нашем городе…

Глава 6. Лера

Сижу на заднем сиденье машины Игоря и смотрю, как за окном проплывают новогодние витрины. Везде гирлянды, снежинки, картонные Деды Морозы с пластиковыми улыбками. Вся эта мишура раньше приводила меня в восторг, но сейчас это лишь напоминание о дурацком празднике.

— Солнышко, ну как тебе елка? — поворачиваюсь к Тае, которая сидит рядом со мной и рассматривает свой подарок.

— Хорошо! — отвечает дочь, роясь в коробке. — Дед Мороз был очень добрый. И настоящий.

— Настоящий? — усмехаюсь. — С чего ты взяла?

— Он взял мое письмо и обещал его прочитать, — серьезно объясняет Тая. — А ненастоящие Деды Морозы письма не читают. Они просто дарят подарки и все.

Игорь хмыкает с водительского места:

— Детская наивность... Впрочем, пусть пока верит в сказки.

Что-то в его тоне меня коробит, но я не подаю виду. После утренней сцены лучше не будить лихо.

— А куда мы едем? — спрашиваю, заметив, что мы сворачиваем в другую сторону от нашего дома.

— Сюрприз, — загадочно отвечает Козловцев, поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

— Игорь, у меня, вообще-то, на сегодня были планы, —

говорю с легким раздражением. — Мне нужно...

— Что нужно? — перебивает он, и в голосе появляются знакомые нотки. — Постирать? Приготовить ужин? Лерочка, это рутина. Ты сделаешь это как-нибудь потом. А вот мой сюрприз ждать не может. Или я зря старался?

Вот она, фирменная техника Игоря Козловцева. Сначала делает что-то без спроса, а потом ставит тебя в положение неблагодарной стервы. Классика жанра.

— Я просто хотела предупредить... — начинаю оправдываться и тут же злюсь на себя. За что я оправдываюсь? За то, что у меня есть собственная жизнь?

— Лера, всего лишь хотел сделать тебе и Тае приятное, — продолжает Игорь тем же тоном. — Но если это никому не нужно, могу развернуться и отвезти вас домой. Фиг с ним, с сюрпризом, с потраченными деньгами, усилиями…

Ну вот, началось. Эмоциональный шантаж в чистом виде. «Я для вас стараюсь, а вы не цените».

— Нет, Игорь, нам не все равно, — как всегда сдаюсь, потому что ненавижу выяснять отношения. — Просто предупреждай в следующий раз, хорошо?

— Хорошо, — довольно соглашается Козловцев.

А я сижу и думаю: когда успела превратиться в такую тряпку? Раньше никому не позволяла собой командовать. А сейчас... Видимо, три года одиночества и постоянного чувства вины сделали свое дело.

Приезжаем к большому торговому центру. Игорь паркуе-

ется, идем внутрь. Народу полно — все готовятся к празднику, закупают продукты и подарки.

— Пиццерия на третьем этаже, — объявляет наш благодетель. — Там сейчас детская программа. Тае понравится.

Поднимаемся на эскалаторе. Дочь прижимается ко мне, чтобы не потеряться в толпе. А Игорь шагает впереди, как генерал. Широкие плечи, уверенная походка. Со стороны, наверное, мы выглядим как счастливая семья…

Только мы не семья. И, скорее всего, ею не станем. Такого зануду и манипулятора, как Козловцев, я долго не выдержу.

В пиццерии полно детей и родителей. Музыка играет, аниматоры в ярких костюмах развлекают малышню. Игорь ведет нас к столику у окна. Усаживает, галантно отодвигая стулья.

— Дамы, прошу к столу.

Козловцев вызывает официанта. Заказывает пиццу «Маргарита» для Таи и «Четыре сыра» для нас. Напитки тоже выбирает самостоятельно. Не спрашивает, чего мы хотим. Как всегда, решает сам.

— Ну что, девочки, пируем? — спрашивает, довольно потирая руки. — Я же знаю, что вы любите.

— Спасибо, — отвечаю дежурно.

А он уже входит в раж. Начинает вспоминать, какой замечательный и как много для нас делает:

— А помнишь, Лерочка, как тебе в прошлом году на Новый год поставили смену? — Игорь наклоняется ко мне через стол. — Некуда было Таю деть, а я сказал — не пере-

живай, посижу с ребенком. Мультики смотрели, в «Монополию» играли. Правда, принцесса?

Тая кивает без энтузиазма.

— А в позапрошлом тебя стиральная машина сломалась. Прямо тридцатого декабря вечером, помнишь? — продолжает Козловцев. — Я не задавался вопросами, почему должен этим заниматься. Просто так помог. По-дружески.

Ага. По-дружески. А потом три месяца напоминал об этом при каждом удобном случае.

Одергиваю себя и чувствую, как внутри растет знакомое чувство вины. Он действительно очень много помогал. Без него было бы намного тяжелее. И конечно же, я должна быть ему благодарна.

Только почему эта незаменимая помощь ощущается как удавка на шее?

— Игорь, я ценю все, что ты для нас делаешь, правда, — говорю тихо. — Очень ценю. И ты это знаешь.

— Знаю, — кивает он. — Но иногда мне кажется, что ты воспринимаешь мое присутствие в твоей жизни как должное.

Вот оно. Главный козырь из рукава.

— Это не так...

— Мама, смотри! — Тая дергает меня за рукав. — Там детей зовут делать новогодние шарики! Можно я пойду?

Поворачиваюсь и вижу, как аниматор в костюме эльфа со-

бирает детей около стола, заставленного красками, блестками и елочными шарами.

— Конечно, солнышко. Сколько это стоит?

— Триста рублей, — отвечает девочка-аниматор.

Лезу в сумочку за кошельком, но Игорь останавливает меня:

— Лера, позволь мне. У меня карта с собой.

— Спасибо, но я сама справлюсь, — настаиваю, доставая деньги.

Козловцев поджимает губы, но карту убирает. Расплачиваюсь с аниматором, и Тая убегает к столу с поделками. Мы с Козловцевым остаемся наедине.

— Зачем ты так делаешь? — спрашивает Игорь, как только дочь отходит подальше.

— Что именно?

— Отказываешься от моей помощи. Даже в мелочах. Как будто я тебе чужой человек.

— Ты не чужой. Просто... я могу и сама.

— Лера, — он наклоняется ко мне через стол, берет за руку. — Мы знакомы уже три года. Три года я рядом. Помогаю, поддерживаю. Делаю все, что могу.

Киваю. А что еще остается?

— Вижу ведь, как тебе нелегко одной. Работаешь на двух работах, устаешь, нервничаешь. А ведь не обязательно так жить…

— Игорь...

— Нет, выслушай меня, — перебивает. — Я устал быть просто другом. Кажется, пора уже перевести наши отношения на новый уровень.

Замираю. Вот оно. То, чего я так боялась. Прямо в лоб, без обиняков.

— Я... не понимаю, о чем ты, — лепечу, прекрасно осознавая, о чем он говорит.

Игорь тяжело вздыхает:

— Лера, ты же взрослая женщина. Неужели не видишь, что я к тебе не равнодушен?

— Мы друзья...

— Были друзьями. А теперь я хочу большего. Сколько можно ходить вокруг да около?

Молчу, не знаю, что ответить. А он продолжает:

— Какие у тебя планы на Новый год?

— Ничего особенного, — выдыхаю, радуясь смене темы. — Будь моя воля, праздновать совсем бы не стала. Но Тая ждет. Поэтому мы встретим Новый год вдвоем у телевизора. Посмотрим «Один дома», «Голубой огонек», мультики какие-нибудь семейные…

— А у меня есть другое предложение, — загадочно улыбается Козловцев.

Внутри все сжимается. Еще один сюрприз?

— Какое?

— Я снял живописный домик на турбазе в сосновом лесу. Представь: камин, пушистые пледы, тишина. Никакой го-

родской суеты. Хочу пригласить тебя и Таю встретить Новый год вместе.

Вот и он. Хит вечера. Уютный домик, романтичная обстановка и мы втроем, как семья.

— Игорь, это очень мило с твоей стороны, но...

— Но? — поднимает брови.

— Мне нужно подумать, — выдавливаю из себя. — Это так неожиданно...

— Хорошо, — кивает он. — Думай. Только не слишком долго. Мне нужно окончательно подтвердить бронь.

— Конечно.

Чувствую себя загнанной в угол. Сказать «нет» прямо сейчас — значит обидеть человека, который действительно много для нас сделал. А сказать «да» я не готова от слова «совсем»! Мне нафиг не сдались эти близкие отношения! Особенно с Игорем.

— Извини, схожу посмотреть, как там Тая, — встаю из-за стола, чтобы отдышаться.

— Конечно, иди.

Отхожу от столика и ищу глазами дочь. Нахожу у стола с поделками — она сосредоточенно приклеивает вырезанную салфетку на елочный шар. А за спиной у нее, метрах в пяти, стоит мужчина в джинсах и вязаном свитере. Он сосредоточенно смотрит на то, чем занята Тая.

Надо признать, он весьма привлекателен. Широкие плечи, темные волосы… И что-то знакомое в посадке головы, в его

уверенных движениях… До боли знакомое.

Мужчина поворачивается в профиль, и я чуть не падаю в обморок.

Это Демид Метельский. Мой бывший муж.

Глава 7. Лера

Сердце колотится, как отбойный молоток. В голове хаос, ноги словно приросли к полу. Демид. Здесь. Рядом с моей дочерью.

Что ему надо? Зачем он появился именно сейчас, когда мы с Таей почти не думаем о нем и, как смогли, устроили новую жизнь? Какого черта торчит около ребенка, от которого официально отказался?

Первый импульс — рвануть к моей девочке, сгрести ее в охапку и увести подальше. Не знаю, что у Метельского на уме, но ничего хорошего не жду. Мужчина, способный в два счета вышвырнуть из жизни свою семью, на многое способен.

Иду прямо к столу с поделками, пытаясь выглядеть спокойно. Хотя внутри все дрожит от злости и страха одновременно. Хочется вцепиться в самодовольную рожу Метельского, но приходится держать себя в руках. У моей дочери нет другой мамы.

— Тая, солнышко, — стараюсь говорить ровным тоном. — Может, хватит на сегодня творчества? Пойдем к дяде Игорю, он ждет.

Девочка поднимает на меня удивленные глаза:

— Мам, но я же еще не закончила! — она инстинктивно прикрывает руками свою поделку. — И вообще, это сюрприз

для тебя! Нельзя подглядывать!

— Тая, нам пора...

— Мамочка, ну пожалуйста! — дочь смотрит на меня умоляюще. — Мне осталось совсем чуть-чуть! Блестки приклеить и ленточку привязать. Можешь погулять немножко? Или вон, дядя Игорь один сидит, поболтай с ним пока...

Замешательство нарастает. С одной стороны, не хочется расстраивать дочь и портить ей сюрприз. С другой — человек, сломавший нам жизнь, стоит всего в семи метрах от нас. И меня это категорически не устраивает.

Машинально поднимаю глаза, чтобы посмотреть, где Демид, и натыкаюсь на его карий взгляд. Он стоит пугающе близко и внимательно разглядывает нас с Таей. Глаза серьезные, челюсти сжаты, ни намека на улыбку. Метельский ловит мой взгляд, поднимает руку и жестом показывает куда-то в глубину торгового центра. Мол, иду туда.

Бывший действительно разворачивается и неспешно направляется к выходу из пиццерии.

— Мам, ну что? — тянет меня за рукав Тая. — Можно я все-таки доделаю?

— Хорошо, — сдаюсь. — Но только быстро, договорились?

— Договорились! — радостно соглашается дочь и вновь погружается в творческий процесс.

Делаю несколько шагов в сторону, но совсем не ухожу. Пульс бьет в виски, в душе смятение. Почему-то страшно за

Таю. Что ему вообще от нас надо? Неужели мало того, что уже сотворил? Решил добить окончательно?

— Простите, — рядом появляется девушка-аниматор в костюме эльфа. — Вам тут записку передали.

Протягивает сложенный вдвое листок бумаги. Машинально беру в руки и поднимаю на нее глаза:

— Кто передал?

— Какой-то мужчина. Он не представился. Но сказал, что это важно.

Аниматор уходит к другим детям, а я разворачиваю листок. Почерк знакомый до боли — тот же наклон букв, та же уверенная размашистость.

«Лера, это Демид. Нам нужно срочно поговорить. Это касается тебя и Таи. В ваших интересах меня выслушать. Жду в бутике мужской одежды «Сноб», второй этаж, напротив ювелирного. Не задерживайся. Метельский.»

Перечитываю еще раз. Потом еще. В голове проносится табун мыслей, и все они темные.

«В наших интересах»... Как это похоже на Демида! Вроде не угроза, но возражать инстинктивно не хочется. Классический прием альфа-самца: сначала показать силу, потом предложить переговоры.

А что, если не идти? Что он тогда сделает? Явится в пиццерию и закатит скандал? Или, того хуже, припрется к нам домой? Метельского я знаю как облупленного. Если что-то взбрело в голову, своего добьется любыми способами. И ме-

тоды у него бывают весьма жесткие. Если надо, пройдет по головам…

С другой стороны, чего я боюсь? Он же не убийца какой-нибудь. Максимум, наговорит оскорблений или попытается раздавить морально. И потом, мы же в торговом центре, среди людей. Ничего страшного не случится.

А вдруг действительно что-то важное? Вдруг этот монстр с каменным сердцем что-то осознал? Хотя нет, это уже из области фантастики.

Снова смотрю на записку. «Не задерживайся». Сколько времени уже прошло? Пять минут? А может, целая вечность?

— Мамочка, а ты можешь дать мне еще триста рублей? — осторожно спрашивает Тая, поднимая голову от своей поделки. — Я хочу еще один шарик украсить.

— Конечно, могу, солнышко, — отвечаю на автомате. — Мастери, раз нравится.

Достаю из кармана три сторублевые купюры и кладу на стол дочери. Она ахает, прикрывая почти готовый шарик руками.

— Спасибо, мамуля! Ты у меня самая лучшая!

— На здоровье, принцесса, — произношу машинально.

А сама думаю: идти или не идти? С одной стороны, гордость просит послать его по известному адресу. А с другой...

Опыт подсказывает, что если Демид Метельский что-то решил, обязательно своего добьется. Лучше выяснить, чего

он хочет, сейчас. Тихо и без скандала. Иначе не удивлюсь, если он явится к нам домой среди ночи и вынесет входную дверь.

И я решаюсь.

— Тая, мне нужно срочно сбегать в магазин, — докладываю дочери. — Ты тут посидишь еще немножко?

— Конечно! — кивает она, не отрываясь от работы. — Мне еще второй шарик украшать.

— Если что — зови аниматоров. Или иди к дяде Игорю, хорошо?

— Ладно. Только ты недолго.

— Я — мухой, — обещаю пламенно.

Оглядываюсь на Козловцева. Он сидит за столиком, листает что-то в телефоне и периодически поглядывает в нашу сторону. Узнал Метельского? Видел, как мне передавали записку? Скорее всего, нет. Иначе примчался бы уже сюда.

Выхожу из пиццерии и спускаюсь на второй этаж. Сердце в груди выбивает чечетку. Когда я в последний раз видела Демида? Три года назад, в тот роковой вечер. Когда он швырнул мне в лицо результаты теста и заявил, что больше не хочет видеть.

В деталях помню его лицо. Сжатые губы, лед в глазах. И взгляд, как на пустое место. Как будто не было этих пяти лет вместе. Не было той безумной любви. Ничего не было…

Вспоминаю, а в груди, по привычке, начинает саднить. Слезы обиды подкатывают к горлу. До сих пор больно, хотя

пора бы уже забыть. Вот только я так и не смогла простить бывшему эту вопиющую несправедливость. Мы с дочерью ему не игрушки!

Нахожу нужный бутик. Ну, кто бы сомневался. «Сноб» — магазин элитной мужской одежды. В витрине костюмы с ценником, как крыло самолета.

Захожу внутрь. Продавцы, смазливые девушки с притворно-вежливыми улыбками, меряют меня взглядами, оценивая платежеспособность. По разочарованию в глазах понимаю, что я — не их уровень. Одежда не новая, обувь потрепанная. Такой, как я, не место в этом магазине.

— Лера! Я здесь! — откуда-то сбоку слышится низкий, слегка хрипловатый голос, от звука которого невольно вздрагиваю.

Метельский совсем не изменился. Вернее, изменился, но как-то неуловимо. Все та же дорогая стрижка, безупречно подобранная одежда и поза лидера. А еще запах, от которого когда-то я теряла голову. Амбровое дерево, мускус и что-то еще, заставляющее замирать сердце.

Только вот взгляд стал другим. Каким-то усталым, что ли? Виски слегка тронуты сединой, а между бровей появилась тревожная складка. Что ж, не ко мне одной время беспощадно.

— Спасибо, что пришла, — говорит он, набрав в легкие побольше воздуха.

— Что тебе нужно? — отвечаю холодно.

Демид окидывает недовольным взглядом продавцов, которые явно прислушиваются к нашему разговору.

— Может, выйдем? — предлагает он. — В ресторане напротив есть приватные кабинки. Там нас никто не увидит.

— Нет. Говори здесь, — отвечаю жестко. Не собираюсь я никуда с ним идти. Много чести. — Только быстро. Меня дочь в пиццерии ждет.

Что-то меняется в его лице при слове «дочь». Взгляд сразу же становится суровым.

— Хорошо, давай сразу к делу. Мне срочно нужен генетический материал Таисии.

Глава 8. Лера

На секунду теряю дар речи. Просто пялюсь на него, не в состоянии поверить в услышанное. Генетический материал? Серьезно? Вот так вот, с ходу?

— Что? — выдыхаю, чувствуя, как закипает кровь в жилах.

— Генетический материал. Любой. Волосы. Слюна. Что-то, подходящее для анализа, — повторяет он спокойно, как будто заказывает кофе. — Желательно, чтобы я сам взял образцы. Или хотя бы видел, как это делается.

Молчу еще несколько секунд, приходя в себя от вопиющей наглости. А потом меня прорывает:

— Вот так просто, да? — шиплю сквозь зубы, стараясь не повышать голос. — Пришел, увидел, победил? После всего того, что уже сделал.

Демид поджимает губы:

— Лера, я понимаю, что это звучит...

— Ничего ты не понимаешь! — перебиваю его, чувствуя, как руки дрожат от злости. — Тая не котенок и не щенок! Ее нельзя сначала приласкать, потом выгнать на мороз, а через три года решить: а дай-ка я еще раз проверю, мой ли это детеныш!

— Лера...

— Что, Лера? — взгляд у меня, наверное, как у разъярен-

ной кошки. — У тебя нет права что-то от меня требовать! Ты сам отказался от нас! Сам вышвырнул из своей жизни! Без объяснений, без разговоров! Даже не выслушав!

Метельский стоит, скрестив руки на груди. Лицо непроницаемое, только челюсти напряжены.

— У меня были на то веские причины. Результаты анализа показали...

— Фигню показали твои результаты! — не даю ему закончить. — И ты поверил этой фигне, а не собственной жене! Пять лет совместной жизни псу под хвост! А теперь, видите ли, у тебя сомнения!

В его глазах что-то мелькает. Сожаление? Боль? Или мне просто показалось?

— Лера, если я ошибся...

— Если?! — начинаю хохотать, но смех получается истерический. — Ты не ошибся, Демид. Ты искал повод избавиться от надоевшей семьи и нашел его! Сделал во всем виноватой меня!

— Это неправда.

— Правда! — приближаюсь к нему и говорю тише, но злее. — Мы с Таей научились жить без тебя. Одни. Мы прекрасно справляемся. И такой, как ты, нам больше не нужен.

Метельский молчит несколько секунд. Потом на его губах появляется язвительная улыбка:

— Наверное, поэтому в письме к Деду Морозу твоя дочь просит вернуть папу?

Жестокие слова бьют под дых. Я даже слегка пошатываюсь.

— Откуда... — начинаю и осекаюсь.

— Откуда я знаю? — он наклоняет голову набок, и фирменная улыбка становится еще более ядовитой. — Представь себе, я был тем самым Дедом Морозом на школьном утреннике.

Мир вокруг внезапно покачивается. Хватаюсь за ближайшую стойку с одеждой.

— Ты... что?

— Я играл роль Деда Мороза, — повторяет он медленно, наблюдая за моей реакцией. — Ваша школа находится под моим попечительством. Физрук заболел, попросили подменить. Тая подошла, рассказала стихотворение и отдала мне письмо. Очень трогательное, кстати.

В горле начинает саднить от отсутствия влаги. Судорожно сглатываю и вспоминаю, как дочь говорила, что Дед Мороз был настоящий.

— И… что дальше? — выдавливаю из себя.

— А дальше… в общем, я посмотрел на нее свежим взглядом. — Демид придвигается ближе. — И увидел кое-что интересное. Детали внешности, которых не было три года назад.

— Какие такие детали?

— Щербинка между зубами, как у меня в детстве. Ямочки на подбородке тоже мои. Аллергия на цитрусовые, карта-

вость при волнении...

— Совпадения, — перебиваю его, но голос звучит не очень уверенно.

— Очень может быть. А может, и нет, — он смотрит мне в глаза. — Поэтому я хочу переделать тест ДНК. В другой лаборатории. С другими врачами.

— И для этого тебе нужен биологический материал Таи.

— Именно. Волосы с корнем или мазок слюны. Лучше, если мы все вместе съездим в лабораторию и это сделают профессионалы.

Смотрю на него и чувствую, как разрываюсь на части. С одной стороны — злость и обида. С другой — надежда оправдаться. Доказать, что он был не прав.

— А что будет, если тест окажется положительным? — спрашиваю язвительно. — Как ты поступишь тогда?

Метельский молчит.

— Извинишься? — продолжаю ядовито. — Встанешь на колени и будешь просить прощения? Опять переделаешь свидетельство о рождении Таи? Вернешь мне те нервные клетки, которые я потратила за эти три года? Компенсируешь все время своего отсутствия?

— Сначала результат. Потом посмотрим, — говорит он жестко.

— Ну да, конечно, — киваю. — Классика жанра.

— Я не собираюсь извиняться за то, в чем не уверен.

— А я не собираюсь давать тебе то, что ты просишь, —

отвечаю твердо. — Никакого генетического материала не будет. И уж тем более мы не поедем с тобой ни в какую лабораторию.

Он хмурится:

— Почему?

— Потому что один раз экспертиза уже показала то, чего не было! — не выдерживаю и повышаю голос. — Тая очень хочет увидеться с отцом, это правда. Но я не собираюсь давать ребенку ложную надежду!

— Если тест покажет, что она моя дочь...

— А если не покажет? — перебиваю его. — Что тогда? Ты снова уйдешь по-английски? А Тая останется плакать одна?

— Лера...

— Отец, который бросил свою семью из-за подделки, не имеет права на реабилитацию, — чеканю каждое слово. — И причинять боль своей дочери я не позволю!

Стоим, глядя друг на друга. Говорим тихо, сквозь зубы, но в воздухе висит такое напряжение, что еще пара секунд — и этот бутик взлетит на воздух. Сжатые челюсти, взгляды, полные ненависти и боли одновременно…

Немного прихожу в себя и бросаю взгляд на часы:

— Мне… пора. Тая ждет.

Демид усмехается:

— Что ж. Я хотел решить вопрос по-хорошему.

— А теперь? — поднимаю бровь. — Будешь решать по-плохому?

— У меня есть выбор? — он шагает еще ближе и почти нависает надо мной. — Я ведь могу и не спрашивать твоего разрешения.

— Что ты имеешь в виду?

— У Таи красивые волосы. Она ходит в школу. Занимается в кружках. Есть множество мест, где можно незаметно выдернуть несколько штук.

Холод прокатывается по спине. Он серьезно?

— Ты не посмеешь, — шиплю.

— Посмею. Если другого выхода не будет.

Смотрю ему в глаза и понимаю — не блефует. Демид Метельский всегда добивается того, чего хочет. Любыми способами.

— Знаешь, а ведь ты не всесилен, — произношу с вызовом. — И мы с Таей не так уж беззащитны.

— Правда? — усмехается он. — И кто же вас защитит? Твой поклонник?

— Откуда ты знаешь про... — начинаю и осекаюсь.

— Про Игоря Козловцева? — его улыбка становится еще более ядовитой. — Забыла, что он работал у меня?

— И что ты хочешь этим сказать?

— Ничего особенного. Просто интересно. Он так быстро оказался рядом с моей бывшей семьей…

— В отличие от тебя, Игорь — хороший человек. Он нам очень сильно помогает.

— Не сомневаюсь, — кивает Демид. — И, конечно, ты

ему за это благодарна.

— Что ты намекаешь?

— Ни на что. Просто констатирую факт.

Стою и смотрю на него. Странная реакция, честно говоря. Что это? Ревность? Да ладно… ведь он сам нас бросил. Ради кого, интересно?

— Мне действительно пора, — говорю, опустив взгляд, и иду к выходу.

— Подумай над моим предложением, Лера, — бросает он мне вслед. — У тебя есть время до завтра.

— А если я не соглашусь?

— Значит, я буду действовать сам.

Делаю шаг к двери. Ноги дрожат, пульс стучит где-то в горле, в голове хаос. Что же мне делать? Как защитить Таю? Не дать этому жестокому монстру разбить вдребезги ее нежное сердечко?

До пиццерии добираюсь на автопилоте. Дочь все еще сидит за столиком с поделками и увлеченно что-то клеит. Игорь листает журнал.

Подхожу к Козловцеву и сажусь напротив. Он поднимает на меня глаза и улыбается:

— Что-то я не понял. А где покупки?

— Да не купила я ничего. Так, приценилась, — отвечаю машинально. — Игорь, твое предложение о турбазе все еще в силе?

Он настороженно вскидывает бровь:

— Конечно, в силе! Ты что-то решила?

— Да. Этот Новый год мы встретим вместе. Ты, Тая и я.

В его глазах вспыхивает торжество:

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно.

Если Демид думает, что может нас запугать, то ошибается. Нас есть кому защитить. И я этим воспользуюсь.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.